

ВЯТСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

№ 17.

1870 г.

Сентября 1-го.

ОТДѢЛЪ ДУХОВНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ГОДИЧНАГО ПОМИНОВЕНІЯ ПОТОМСТВЕННАГО ПОЧЕТНАГО ГРАЖДАНИНА СЛОБОДСКАГО ВАСИЛІЯ ВАСИЛЬЕВИЧА АЛЕКСАНДРОВА, ПРОИЗНЕСЕННОЕ ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВОМЪ, ПРЕОСВЯЩЕННѢЙШИМЪ АПОЛЛОСОМЪ, ЕПИСКОПОМЪ ВЯТСКИМЪ 13 АВГУСТА 1870 ГОДА.

Нынѣ годъ минулъ, какъ мирно, христіански преставился отъ насъ приснопамятный рабъ Божій Василій. Любовь и благочестіе сына и присныхъ достойно почтила молитвеннымъ поминовеніемъ достойнаго отца и благодѣтеля сиротъ, завѣщавшаго и словомъ и примѣромъ жизни и ближнимъ и дальнимъ наипаче всего благоговѣйную любовь и преданность Спасителю Богу и сыновнюю покорность—матери православной Церкви.

По молитвѣ къ Богу духовъ о упокоеніи души преставльшагося, изъ памятованія о тихой смерти его извлечемъ для себя нравственное назиданіе.

Смерть покой мужу (Іов. 3, 23), сказала нѣкогда одинъ изъ величайшихъ праведниковъ; міръ сей, по сказанію другихъ, есть темница нашей души, тѣло—тѣ узы, коими она привязана къ міру; смерть—вѣстникъ неба, возвращающій намъ свободу. Посему казалось бы, что люди съ радостію будутъ ожидать и принимать смерть. Но на дѣлѣ часто видимъ противное, человекъ ничего такъ не боится, какъ смерти,—ничего такъ не ужасается, какъ разлученія души съ тѣломъ.

Что же страшнаго въ смерти? и чѣмъ ослабить силу ея страха?

Въ разрушительномъ дѣйствиіи на насъ смерти заключается причина того страха, который оказываетъ человекъ предъ лицомъ ея; т. е, онъ жалѣетъ о разлукѣ съ міромъ, столь прекраснымъ твореніемъ Божіимъ, столь пріятнымъ жилищемъ своимъ; тѣло его страшится возвращенія въ грубое, первобытное состояніе персти, а душа трепещетъ того истязанія, коему должна подвергнуться,—по смерти. Езекиа царь,—мужъ, ради благочестія коего правосудный Господь отложилъ часъ мести надъ преступнымъ іерусалимомъ, такъ сильно возмущался, при мысли о необходимости оставить міръ, что даже праведность свою, хожденіе свое предъ Богомъ выставлялъ съ тѣмъ, чтобы Отецъ небесный позволилъ ему еще пожить въ этомъ мірѣ. Что же, при мысли о приближающейся смерти, должны чувствовать люди обыкновенные, въ сердцѣ которыхъ міръ оспариваетъ власть и мѣсто у царства небеснаго?—И это сторона смерти сравнительно—еще слабая. Не всякій имѣетъ утѣшеніе видѣть въ мірѣ счастливое жилище. Для иного жизнь въ немъ слишкомъ горька; многіе умираютъ, не успѣвъ по-

знать и вкусить его благъ. Смерть не всегда посякаетъ удовольствія, не всегда потребляетъ богатство. Случается, и довольно часто, что, подъ ея ударами, гибнуть бѣдствія горести, нищета, не имѣющая насущнаго куска хлѣба. Чего-бы страшиться ее страдальцамъ міра? Такъ, сл., если бы она только отдѣляла насъ отъ міра, то не такъ боялись бы ее: но она разрушаетъ и истребляетъ половину насъ самихъ, — она возвращаетъ наше тѣло въ первобытное его состояніе праха.

Человѣкъ, при взглядѣ на тѣло свое, поражаемое, въ часъ смерти, всѣмъ, что только есть ужаснѣйшаго для него, — не имѣя терпѣнія переносить страшныхъ мукъ, готовъ бы радоваться смерти. Но, съ другой стороны, изъ состоянія благороднѣйшаго, перейти въ состояніе разрушенія, — такое представленіе побуждаетъ его опять желать жизни, сколько бы ни была она горестна. Любовь къ жизни такъ глубоко насаждена въ природѣ нашей, что только въ помѣшательствѣ, отъ чего бы то ни было, — человѣкъ можетъ покушаться на жизнь свою. Бѣдственна была жизнь Іереміи пророка, когда его переводили изъ темницы въ темницу, — когда, обложенный тяжкими оковами, онъ долженъ былъ проводить дни и ночи въ смрадномъ рвѣ; и однако онъ *просилъ* царя *не предавать его смерти* (Іер. 37, — 20). Илія пророкъ только и имѣлъ въ мірѣ, что одежду изъ кожи овечьей; но когда Іезавель послала сказать ему: *въ сей часъ утро положу душу твою* (3 Цар. 19, 2); то онъ убоялся души ради своея и скрылся въ землю Іудину. Здѣсь усталый отъ долговременной и усиленной ходьбы, голодный, не имѣющій, чѣмъ подкрѣпить себя, онъ проситъ у Бога смерти. Но какъ только вкусилъ отъ пищи, прине-

сенной Ангеломъ и почувствовалъ въ себѣ крѣпость, пере-
мѣнилъ прошеніе, — и сказалъ: *ревнуя поревновахъ по Гос-*
подю Бозю Вседержителю, яко оставиша заветъ твой
сынове израилевы, и олтари Твоя раскопаша, и пророки
Твоя избиша, и остахъ азъ единъ и ищутъ души моея
изъяти ю (3 Цар. 19, 14).

Такова, сл., сила природы. Люди самые добродѣтельные
не могли встрѣтить смерти равнодушно, по естественнымъ
причинамъ; но за то въ нихъ другая сторона была сильно
развита, — душевное ихъ расположеніе и желаніе разрѣ-
шиться отъ сего смертнаго тѣла и быть со Христомъ. А
грѣшники еще должны страшиться смерти, какъ вѣстника,
зовущаго ихъ на судъ Бога Живаго. Волей, не волей, а
должны они перейти въ другой міръ, явиться и предста-
вить дѣла свои предъ престоломъ Всемогущаго: *страшно*
впасть въ руки Бога Живаго (Евр. 10, 31).

Въ жизни своей, многіе изъ насъ смотрятъ на себя,
такъ сказать, въ половину, чтобы не видѣть всего, что-
бы не помѣшать своимъ удовольствіямъ, своей безпечности,
чтобы не разбудить спящую свою совѣсть. Для многихъ
слишкомъ тягостно слышать ея непрестанные упреки; — и
потому радуются, когда успѣютъ усыпить ее. Не то будетъ
при смерти, пробужденіе совѣсти тѣмъ будетъ ужаснѣе,
чѣмъ продолжительнѣе и глубже былъ сонъ ея; голосъ ея
тѣмъ будетъ сильнѣе, чѣмъ съ большимъ усиліемъ люди
прежде заставляли умолкать оный. Не одни дѣла наши она
представитъ намъ, а и всѣ наши слова, коими, можетъ
быть, нѣкогда гордились мы; ничто не укроется отъ нея —
помышленіе и чувство, уже давно забытое, обнаружится въ
ея свиткѣ. Совѣсть соберетъ все и отвсюду; — и представитъ

душѣ грѣхлюбивой все ея безобразіе; никакое слово не можетъ выразить тягостныхъ чувствованій безъ покаянія умирающаго грѣшника; всѣ подобія, коими бы можно было объяснить ихъ, будутъ ниже своего предмета.

Послѣ сего какъ не удивляться людямъ, когда они такъ безопасно приближаются къ смерти. Правда, иное дѣло говорить о смерти и представлять ее, другое испытывать на самомъ дѣлѣ, какъ она жестока. Въ первомъ случаѣ она можетъ показаться обыкновеннымъ явленіемъ; ибо мы часто видимъ умирающихъ, а еще чаще слышимъ о нихъ. Совсѣмъ другое дѣло встрѣтить смерть лицомъ къ лицу. Въ такомъ разѣ, равнодушіе къ ней исчезнетъ, при первомъ ея прикосновеніи. Человѣкъ мало заботится о такомъ различіи представленія смерти отъ самаго ея ощущенія, — продолжаетъ жить, какъ жилъ, — думать, какъ думалъ, и былъ бы очень не доволенъ, если бы его заставили перемѣнить образъ мыслей и дѣйствій. Ему можетъ показаться, что, представляя смерть страшною, легко можно ускорить ея пришествіе, — что, трепеща ея, скоро можно разстроить здоровье, поселить въ душѣ печальное настроеніе. Онъ не думаетъ, что обращая взоръ къ послѣднему часу своей жизни, можно напротивъ продолжить настоящую жизнь и усладить послѣдніе, страшные часы ея. Какимъ образомъ?

Еще царь — пророкъ замѣтилъ, что *мужіе кровей и льсти, не преполовятъ дней своихъ* (Псал. 54, 24). Тоже должно повторить и о другихъ порокахъ, ни одинъ порочный человѣкъ не доживаетъ до тѣхъ дней, до коихъ онъ могъ бы дожить, при лучшемъ образѣ жизни. Опытъ лучшее доказательство на это. Такъ напр. честолюбецъ изнуряетъ свои силы излишнимъ напряженіемъ; преданный невоздержанію

разслабляетъ оныя излишнимъ возбужденіемъ, о завистливомъ и скупцѣ нѣтъ нужды и напоминать. Печать недуга явно лежитъ на лицѣ ихъ. Итакъ, чтобы продолжить и земную жизнь, нужно быть добродѣтельнымъ. А чѣмъ лучше можно расположить себя къ жизни благочестивой, какъ не памятованіемъ о смерти?—*Помни послѣдняя твоя, и во вѣки не согрѣшиши.* Этотъ же самый способъ можетъ усладить и послѣднія наши дни. Что препятствуетъ намъ умирать спокойно? Привязанность наша къ міру, наши грѣхи. Когда мы будемъ добродѣтельны, — умремъ грѣху, — можетъ ли міръ сильно на насъ дѣйствовать? Добродѣтель показываетъ намъ міръ въ настоящемъ его видѣ, указываетъ на то отношеніе, въ которомъ блага его находятся къ вѣчному нашему спасенію, слѣдов. много ограничиваетъ любовь къ нему; ибо когда мы взирать будемъ на міръ съ надлежащей точки зрѣнія, то узнаемъ и увѣримся, что онъ и не назначался для насъ постояннымъ жилищемъ, — тогда и самъ міръ напомнитъ намъ, что намъ должно выйти изъ него, что онъ только преддверіе истинной нашей, — вѣчной жизни. Представляя сіе, будемъ чаще и умомъ и сердцемъ переноситься въ міръ лучшій, загробный, готовить для себя тамъ неувядаемыя сокровища; тогда не будетъ и причины, съ этой стороны, страшиться намъ смерти.

Мы боимся суда и вѣчныхъ мученій, слѣдующихъ за смертію. Но кому судъ безъ милости? Не сотворимъ милости. Кому осужденіе? осуждающимъ. Кому вѣчныя муки? противляющимся благодати Божіей, призывающей насъ къ спасенію. Страхъ этотъ ослабить и отклонить мы можемъ милостію къ меньшей нашей братіи, отверженіемъ предъ нею дверей сердца и дверей сокровищницъ нашихъ,

снисходительностію къ согрѣшающимъ, огражденіемъ себя отъ злорѣчія и пустословія, постояннымъ, въ чувствѣ смиренія, съ дѣтскою простотою слѣдованіемъ влеченію благодати, зовущей насъ къ покаянію, устраненіемъ отъ себя всякаго повода пристращаться къ земному, частымъ пріобщеніемъ пречистаго, живоноснаго тѣла и Боготворящей всеочистительной крови Сына Божія—и живымъ упованіемъ, что еще земная наша храмина—тѣло наше раззорится, и мамы храмину—нерукотворенну, вѣчну на небесѣхъ, тѣло наше воскреснетъ въ лучшемъ, прекрасномъ нетлѣнномъ видѣ; *яко же о Адамъ вси умирають, тако о Христъ вси оживутъ.*

Боже милосердія и щедротъ, *не хотяи смерти грѣшника, но еже обратится и живу быти ему,* всесилою Твоею благодатию насади и утверди въ насъ корень благихъ—страхъ Твой, —всегдашнимъ живымъ памятованіемъ о смерти, да, *аще поидемъ и среди стѣни смертныя, не убоимся зла, яко Ты—источникъ жизни и блаженства, —вѣчно съ нами. Аминь.*

Общедоступныя чтенія о предметахъ научныхъ. *)

Для первыхъ чтеній нашихъ о предметахъ научныхъ, возбуждающихъ нынѣ столь явный интересъ, мы избираемъ ту философію, отъ которой предостерегаетъ вѣрующихъ св. Апостоль Павелъ: *братіе, блюдитесь, да никтоже васъ будетъ прельщая философією и тщетною лестью, по преданію чловѣческому, —это философія раціона-*

*) Научные предметы въ настоящее время возбуждаютъ общій интересъ; пастырямъ церкви можно употреблять ихъ въ свою пользу—для успѣха Евангельской проповѣди, чрезъ общепонятное разсмотрѣніе ихъ съ христіанской точки зрѣнія.

листовъ, *по стихіямъ міра* чувственнаго—это философія матеріалистовъ, *а не по Христу*—какъ требуетъ христіанское міросозерцаніе (Колос. 2, 8).

Раціонализмъ, по словопроизводству отъ латинскаго слова *ratio* (умъ), значитъ умствованіе по началамъ одного естественнаго разума, съ отрицаніемъ сверхъестественнаго откровенія христіанскаго. Выводы раціонализма въ настоящее время окончательно выяснились; такъ что намъ удобно разбирать ихъ и видѣть, на сколько онѣ тверды предъ судомъ здраваго разума и особенно предъ Божественнымъ вѣроученіемъ, которое содержится въ христіанскомъ православіи.

Главное положеніе раціоналистовъ состоитъ въ слѣдующемъ: вселенная, получивъ бытіе отъ Бога, существуетъ посредствомъ данныхъ ей Богомъ силъ и законовъ и не нуждается ни въ какомъ участіи, или—какъ они выражаются—*вмѣшательствѣ* со стороны Бога. Допуская бытіе Творца вселенной, они отвергаютъ возможность и необходимость Его вліяній на жизнь сотворенныхъ существъ. Почему же?

Потому во 1-хъ, что силы и законы природы должны быть достаточны, по мысли Творца, для продолженія міровой жизни. Иначе если допустить въ мірѣ высшее участіе Божіе, эти силы и законы потеряютъ свою прочность и устойчивость; отъ этого неминуемо долженъ произойти безпорядокъ и разстройство въ мірѣ. А во 2-хъ потому, что подобное вмѣшательство со стороны Бога не согласно съ Его премудростію, которая разомъ окончила свое твореніе и не должна потомъ поправлять его, какъ это дѣлаютъ неискусные художники съ своими произведеніями.

Отвѣчая на первое доказательство раціоналистовъ, можно замѣтить, что оно не только недостаточно для своей цѣли, но даже измѣняетъ ей. Хлопочуть о прочности міровыхъ силъ и законовъ; а забываютъ о безконечномъ могуществѣ и свободѣ Творца; беспокоятся за порядокъ міровой жизни, а не говорятъ, отъ чего онъ происходитъ; опасаются нестроений въ мірѣ, а между тѣмъ отдають міръ на произволь веразумныхъ и темныхъ силъ.

Творецъ міра есть существо личное, обладающее совершеннѣйшею свободою и всемогуществомъ. По единой благодати и любви Онъ благоволилъ создать все существующее отъ несущихъ. Кто же можетъ устранить вліяніе Его на жизнь тварей? Да и возможно ли было бы существованіе вселенной, вызванной изъ ничтожества, еслибъ ее не поддерживала та самая всемогущая рука, которая дала ей бытіе? Мы строимъ домъ и предоставляемъ его существованіе прочности грунта, силъ тяготѣнія; но на чемъ поставлена вселенная, вызванная изъ бездны ничтожества? Конечно ни на чемъ. Какъ же она держится? Очевидно силою Божіею, безъ которой необъяснимо было бы существованіе міра, какъ и самое твореніе его. Мысль эту съ особенною силою выразилъ св. Псалмопѣвецъ въ молитвенномъ обращеніи къ Богу: *отвращу Тебѣ лице, всяческая возмзуться и исчезнутъ и въ персть (ничтожество) свою возвратятся* (Псал. 103, 29). Вотъ какова прочность міровыхъ силъ и законовъ! Сами по себѣ они всегда готовы обратиться въ первобытное ничтожество. Еслижъ они теперь дѣйствуютъ и обладаютъ прочностію; то не сами по себѣ, а по мановенію Того, кто *отверзаетъ руку свою и всяческая исполняетъ благодати* (—ст. 28). Мы полагаемся на

неизмѣняемость и твердость міроваго порядка; засыпая вечеромъ, мы надѣемся утромъ встрѣтить восходящее солнце, во время зимы разсчитываемъ на приближеніе весны. Но причину этого порядка полагаемъ не въ самыхъ законахъ міровыхъ, а въ благой волѣ ихъ Творца и Промыслителя. Черезъ такое участіе Божіе силы и законы природы намъ кажутся еще болѣе прочными и твердыми, нежели какими считаютъ ихъ раціоналисты; мы указываемъ здѣсь разумную и достаточную причину ихъ прочности, а у раціоналистовъ этой причины нѣтъ и мысль ихъ покоится на одной случайности. Такъ безъ участія Божія ослабляется и унижается *вещественный* порядокъ міра; а что сказать о *нравственномъ* порядкѣ? Этотъ послѣдній порядокъ былъ бы глубоко извращенъ и потрясенъ, еслибъ Творецъ нашъ оковалъ свою независимость тѣми законами, какіе Онъ самъ далъ природѣ; мы остались бы тогда въ рукахъ какихъ-то темныхъ и грубыхъ силъ, лишенныхъ сознанія и свободы, а не во власти всемогущаго Отца небеснаго, который *сіяетъ свое солнце на злыя и блаія* и непрестанно печется о всѣхъ своихъ твореніяхъ, наипаче же о существахъ разумно-нравственныхъ. Какъ легко чувствуется на душѣ, когда ощущается нами такая близость Господа, *недалече отъ единая коегождо насъ суца*; такъ что *о немъ мы живемъ, движемся и есмы* (Дѣян. 17, 28).

Второе основаніе раціоналистовъ повидимому отличается не только основательностію, но и нѣкоторою благовидностію; но въ немъ допускаются бездоказательно двѣ ошибки: первая—представляется вселенная по выходѣ изъ рукъ Творца чѣмъ-то вполне законченнымъ; вторая—участію Творца въ міръ дается значеніе поправленія сотвореннаго

имъ. Разоблачивъ эти ошибки, мы увидимъ, что *непосредственное* участіе Божіе въ жизни міра — будетъ ли то естественное, или сверхъестественное *) — не только не противно премудрости Божіей, но вполне согласно съ ея требованіями, въ связи съ другими совершенствами Божіими.

Напрасно представляютъ вселенную по выходѣ изъ рукъ Творческихъ произведеніемъ вполне законченнымъ. Ее можно считать законченною только въ томъ отношеніи, что Господь послѣ шестидневныхъ актовъ творенія пересталъ творить новые роды тварей. Но сотвореннымъ существамъ дано благословеніе размножаться и развиваться; съ этой стороны для вселенной открыто самое обширное поприще дѣятельности, а существамъ нравственнымъ указанъ безконечный путь усовершенности. На твореніе міра можно смотрѣть только, какъ на начало великой поэмы, которая должна постепенно составляться во всѣхъ своихъ частяхъ, на протяженіи многихъ вѣковъ, назначенныхъ для существованія міра въ тайнѣ премудрости Божіей; но отнюдь нельзя считать міра законченнымъ произведеніемъ, при самомъ началѣ сотворенія.

Вотъ существа разумно-свободныя, получившія отъ Творца высокія совершенства; но онѣ сами послѣ того еще должны были свободно довершать свое развитіе, проходить чрезъ данныя имъ испытанія и дѣйствіями своей воли опредѣлять свое назначеніе. Слѣдовательно ихъ нельзя считать дѣломъ законченнымъ. Кромѣ того въ этомъ усовершенствованіи заключалась возможность отступленія отъ цѣли, или

*) Допускается въ нѣкоторыхъ проповѣдяхъ какое-то *посредственное* участіе Божіе, — это грубая ошибка, противная священному писанію, которое вездѣ говоритъ только о *непосредственномъ* участіи силы Божіей во всѣхъ дѣйствіяхъ силъ сотворенныхъ (Іоан. 5, 17).

введенія зла нравственнаго, отъ коего произошли и физическія бѣдствія. А когда явилось зло по винѣ свободно-разумныхъ существъ; то ужели Богъ долженъ былъ поправлять свое дѣло, будтобы несостоятельное вначалѣ? Его бла-гости слѣдовало только подать руку помощи погибавшимъ, вслѣдствіе злоупотребленія данной имъ при твореніи сво-боды. И вотъ премудрость Божія, которая безъ сомнѣнія предвидѣла это несчастіе и, не желая стѣснять свободы своихъ тварей, допустила паденіе ихъ для высшаго торже-ства нравственныхъ началъ, измышляетъ и предлагаетъ дѣйствительныя средства для возстановленія падшихъ. Чтожъ? страдаетъ ли она? не только не страдаетъ, но является въ самомъ блестящемъ видѣ. Иное дѣло, еслибъ она оста-вила падшее челоуѣчество на вѣчную гибель, или не на-шла возможности помочь ему.

Благоговѣнно удивляясь премудрымъ распоряженіямъ любви Божіей, заботящейся о спасеніи людей чрезъ благо-датныя средства, дарованныя намъ во Христъ Іисусъ и смиряя излишнюю пытливость предъ неисповѣдимостію вѣч-ныхъ плановъ Божіимъ, мы можемъ однакожъ утверждать, что теперь—при совершеніи нашего искупленія Господь исправляетъ не то, что самъ сотворилъ, а то, что повреж-дено и испорчено свободными тварями. Можно даже выра-зиться здѣсь такъ: не самъ Господь поправляетъ, не на-сильно увлекаетъ падшихъ отъ погибельнаго пути, а даетъ самимъ погибающимъ могущественное средство для ихъ добровольнаго возстанія, при помощи Божіей.

Христіанское объясненіе происхожденія зла въ мірѣ отъ нравственнаго паденія свободныхъ существъ есть самое до-статочное, при всей своей таинственности и вполнѣ соглас-

ное съ понятіемъ о Богѣ святомъ и премудромъ. Не Богъ виновникъ зла, а оно явилось по собственной винѣ тварей; но Богъ преслѣдуетъ возникшее зло и даетъ средства къ уничтоженію его. И мы должны вѣровать, что при кончинѣ міра Господь соберетъ всю пшеницу добра и навсегда отдѣлитъ ее отъ плевель зла. Для нравственно-добрыхъ людей, искупленныхъ кровію Христа Спасителя и обновленныхъ благодатію Св. Духа, настанетъ нравственная невозможность дѣлать зло, какъ этого уже достигли св. Ангелы, устоявшіе въ данномъ имъ испытаніи. Какой свѣтлый взглядъ на всю тайну христіанскаго спасенія сообщается намъ этою вѣрою! При свѣтѣ его мы можемъ понимать, что все сверхъестественное, входящее теперь въ нашу жизнь посредствомъ христіанства, есть не только возстановленіе истиннаго нашего естества, не только возвратъ къ утраченному естественному порядку, но и сообщеніе новыхъ дарованій и милостей Божіихъ. Сожалѣя о потерѣ первобытной невинности и скорбя о первомъ паденіи и оскорбленіи своего Творца, мы—спасаемые имъ во Христѣ Іисусѣ—должны съ сердечнымъ благоговѣніемъ воззвать къ Нему вмѣстѣ съ Апостоломъ: *о глубина богатства, и премудрости и разума Божія; яко неиспытани судове Его и не изслѣдовани путіе Его. Кто бо разумъ умъ Господень? или кто совѣтникъ Ему бысть? или кто прежде даде ему и воздастся Ему? Яко изъ того и тѣмъ и въ немъ всяческая: тому слава во вѣки (Рим. 11, 33).*

Послѣ всего сказаннаго выше не трудно признать не только несостоятельными, но совершенно ложными соображенія рационалистовъ о мнимой невозможности и даже неприличіи непосредственнаго вмѣшательства со стороны Бога

въ жизнь вселенной, которую Онъ создалъ и для которой цѣль хранить въ себѣ самомъ. «Если свободное созданіе, Божіе, — говоритъ одинъ изъ ученыхъ защитниковъ христіанства, — стало несчастнымъ и подверглось великимъ и глубокимъ бѣдствіямъ по собственной винѣ; то на какомъ основаніи люди, признающіе свободаго Бога, удаляютъ сверхъестественное участіе Его? Какъ! вы признаете Бога свободнымъ и владыкою своего творенія и, по вашему мнѣнію, Онъ не имѣетъ права явить помощь своему созданію, чтобъ возстановить его; такъ какъ для этого слѣдуетъ разорвать цѣпь естественныхъ причинъ и дѣйствій и ввести новый фактъ въ исторію человѣчества? Но если Богъ не могъ спасти человѣка, то какъ же Онъ могъ сотворить Его? Твореніе было проявленіемъ, актомъ любви, составляющей сущность бытія Божія. А если вы оспариваете у Бога верховное право спасти несчастное свое созданіе; то вы отказываете Ему въ томъ, что составляетъ самую сущность Его бытія и тѣмъ самымъ наносите ударъ нравственной неизмѣняемости Его. Богъ не зависитъ отъ естественнаго порядка міровой жизни; пусть же знаютъ, что нѣтъ ничего болѣе понятнаго, какъ верховное вмѣшательство Его въ этотъ порядокъ, съ цѣлію возстановленія его, послѣ того какъ онъ былъ нарушенъ». (Прессанс., стр. 25). «Люди безпрестанно видоизмѣняютъ приложеніе естественныхъ законовъ и пользуются ими для своихъ цѣлей. Когда моя рука бросаетъ вверхъ камень; то этимъ не похищаетъ его у закона тяготѣнія, который притягиваетъ его къ землѣ. Что же мѣшаетъ допустить, что всевышнее Существо, держащее въ своей десницѣ всѣ клавиши силъ природы, извлекаетъ изъ нихъ аккорды, недоступные нашимъ соображені-

ямъ? Отсюда слѣдуетъ, что при чудесахъ, гдѣ побѣждается естества чинъ, не нарушаются прочіе законы природы. Напр. чудо насыщенія пяти тысячъ пшеницею хлебами помѣшало ли засѣянной землѣ дать въ томъ же году жатву? было ли похищено у законовъ растительныхъ вино, когда въ Канѣ вода была превращена въ вино? Но другое дѣло, еслибъ допущено было, что Божественное могущество не въ состояніи произвести подобныхъ чудесъ. Изъ этого слѣдовало бы, что Богъ не имѣетъ неограниченной свободы, а отсюда произошло бы нарушеніе порядка вселенной гораздо важнѣйшее, чѣмъ самое поразительное чудо; потому что сверхъестественное, отрицаемое раціоналистами, состоитъ въ свободѣ личнаго Бога» (Тамъ же стр. 21).

Для поддержанія своей теоріи о невмѣшательствѣ Божіемъ въ міровую жизнь раціоналисты съ своей точки зрѣнія смотрятъ на существующее въ мірѣ зло, т. е. слишкомъ уменьшаютъ его силу и значеніе, считаютъ его слѣдствіемъ ограниченности и недостатка образованія; а съ тѣмъ вмѣстѣ придаютъ большую силу такъ называемому прогрессу въ познаніяхъ, открытіяхъ и разныхъ улучшеніяхъ человѣческой жизни. Вопреки такимъ мнѣніямъ раціоналистовъ мы можемъ доказать, что зло, вошедшее въ міръ чрезъ грѣхъ, слишкомъ ощутительно и что безъ сверхъестественной помощи не возможно отвратить его; напротивъ того прогрессъ, на который такъ полагаются противники сверхъестественнаго, самъ по себѣ не могъ бы даже и существовать, еслибъ ему христіанство не давало основанія и не указывало цѣли.

Въ самомъ дѣлѣ зло въ мірѣ весьма сильно и всегда даетъ себя чувствовать какъ въ сознаніи нашемъ личномъ,

гдѣ каждый ощущаетъ въ себѣ *инъ законъ грѣховный*, такъ и въ исторіи человѣчества. Не говоря о разныхъ злодѣянiяхъ и несчастiяхъ, которыми наполнены страницы исторіи всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ, что значить эта всеобщая тоска, такъ громко заявленная въ произведенiяхъ лучшихъ мыслителей и особенно поэтовъ? Не есть ли это выраженiе ненормальности настоящаго положенiя человѣчества? Не есть ли это свидѣтельство, что изначальный естественный строй жизни человѣческой нарушенъ, что чело-вѣкъ сталъ въ противорѣчiе съ природою и чувствуетъ въ себѣ не только ограниченность, но и поврежденiе?

Вопросъ о злѣ съ всею обстоятельностью разсмотрѣнъ въ «Чтенiяхъ» Эрнеста Навиля (въ Правосл. Обозр. за 1870 годъ, № 4 и 7). Тамъ сдѣланы слѣдующiе выводы о существованiи и размѣрахъ зла: «зло, какимъ оно является въ дѣйствительности, представляетъ въ себѣ два главныя свойства, характеризующiя его существованiе въ мiрѣ, — это во 1-хъ его *общность* и во 2-хъ его *существенность*» (№ 7, стр. 24). «Не думаю, чтобы ошибались тѣ, которые находятъ, что развратъ одинъ похищаетъ болѣе живыхъ въ человѣчествѣ, чѣмъ война, моръ и голодъ, взятые вмѣстѣ» (—стр. 31). «Мы убѣждены, что не только всякое существо человѣческое причастно страданiю; но что въ условiяхъ настоящаго дѣйствительнаго состоянiя чело-вѣчества положительно невозможно существованiе чело-вѣка, изъятаго отъ всякой скорби и страданiя. Мы убѣждены, что зло есть нѣчто не отдѣлимое отъ природы чело-вѣческой, взятой въ ея настоящемъ дѣйствительномъ состоянiи, — нѣчто всегда присущее ей подъ тройкой формой: грѣха, заблужденiя и страданiя. Это—то, что я называю *суще-*

ственностию зла» (стр. 36). «Какая-то злая сила тяготѣетъ надъ человѣчествомъ на всѣхъ страницахъ его исторіи и въ самой колыбели его существованія, или—чтобъ употребить образъ, наиболѣе отвѣчающій моей мысли—какое-то начало заразы, повидимому, проникло въ человѣчество и существуетъ оттолѣ въ каждомъ изъ насъ, неразрывно связанное съ тѣмъ самымъ, что составляетъ въ насъ человека» (стр. 45). Эта зараза происходитъ не отъ личной самодѣятельности каждаго изъ насъ, такъ какъ она предшествуетъ раскрытію нашей воли; равно и не отъ общества, гдѣ мы живемъ, такъ какъ зло видимъ прежде всякихъ обществъ, въ первомъ семействѣ (кровь Авеля вопіетъ объ отмщеніи); но отъ наслѣдственной порчи, переходящей отъ нашихъ прародителей вслѣдствіе ихъ первороднаго грѣха. Человѣчество, растлѣнное грѣхомъ въ самомъ корнѣ, неизбежно должно являться растлѣннымъ и въ своихъ вѣтвяхъ. И если первый человѣкъ сдѣлался грѣшнымъ, повредилъ всю свою природу; то и потомство его не можетъ не наслѣдовать этой же самой—грѣховной и поврежденной природы.

Правда, что въ мірѣ, зараженномъ грѣхомъ и бѣдствіями, дѣйствуетъ прогрессъ, доставляющій много преградъ для несчастій и бѣдъ и во многомъ улучшающій бѣдственную жизнь человѣчества. Но значеніе прогресса очень ограничено, а безъ христіанства даже ничтожно. Вотъ что высказалъ объ этомъ мудрый Святитель нашей церкви: «мысль о прогрессѣ, или о движеніи человѣчества къ совершенству, философія взяла у религіи; но не поняла ее. Религія открыла, что Богъ ведетъ человѣчество къ совершенству и блаженству, зло неисправимое отсѣкая правосуді-

емъ, исправимое исправляя милосердіемъ, подавая свою силу немощи, но никогда силою не подавляя свободы, а преклоняя ее къ добру любвию. Гордая философія, худо подслушавъ, тщеславно пересказываетъ, что человѣчество идетъ къ совершенству само собою, побѣждая (какъ она прибавляетъ) природу посредствомъ искусства, открытій, изобрѣтеній но (что не всегда она проповѣдуетъ, однако показываетъ дѣломъ) не домогаясь приблизиться къ Творцу природы» (М. м. Филарета. Том. 3. стр. 41).

«Не спорю, говоритъ одинъ изъ христіанскихъ мыслителей, что посреди всѣхъ золь и бѣдствій человѣчества движется колесница прогресса; но на колесахъ ея я замѣтилъ слѣды крови, притомъ мнѣ хорошо извѣстно, что она и сокрушаетъ на своемъ ходу» (Прессанс., стр. 23). Къ этому правдивому отзыву можемъ присовокупить, что прогрессъ не имѣетъ самостоятельнаго значенія безъ христіанства, которое всецѣло опирается на фактъ сверхъестественнаго участія Божественной любви въ міръ, для спасенія падшаго человѣка...

Уничтожьте христіанскіе догматы паденія и искупленія человѣчества и поставте на мѣсто ихъ систему какого-то самодвижнаго развитія міровой жизни; тогда вы превратите исторію въ запутанную хронику. На первый планъ явятся тогда физическія вліянія и слѣпой фатализмъ нужно будетъ признать (по примѣру пресловутаго Боккля) всемірнымъ закономъ. Возможенъ ли здѣсь какой либо разумный прогрессъ? Но когда допускается взаимодействие между свободою Божественною и свободою человѣческою, гдѣ первая старается довести вторую до рѣшительнаго примиренія съ собой; то здѣсь открывается полная возможность

для благодѣтельнаго прогресса, не только частнаго, но и общественнаго. По словамъ Прессансэ, «нѣтъ ничего выше и удовлетворительнѣе такой идеи: Богъ, заправляющій ходомъ исторіи, Богъ свободы и любви, Богъ, проповѣдуемый совѣстію и Евангеліемъ,—Богъ, преслѣдующій свой планъ возстановленія падшаго человѣка совместно съ человекомъ,—вотъ великая мысль, которая должна одушевлять историка и служить основою для истиннаго прогресса. Имя Христа Спасителя нашего является средоточіемъ всемірной исторіи; Его жизнь составляетъ узелъ той всемірной драммы, въ которой осуществляется мысль Отца небеснаго о спасеніи міра» (стр. 28).

(Продолженіе будетъ).

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ОБЪ ИЗДАНІИ

РЯЗАНСКИХЪ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ

въ 18⁷⁰/₇₁ церковномъ году.

Въ 18⁷⁰/₇₁ церковномъ году, начинающемся съ сентября мѣсяца, Рязанскія Епархіальныя Вѣдомости будутъ издаваться, по примѣру прежнихъ лѣтъ, по программѣ, утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ. Вѣдомости выходятъ дважды въ мѣсяць, 1 и 15 чисель, — въ размѣрѣ не менѣе трехъ печатныхъ листовъ большаго формата.

Цѣна вѣдомостей за годъ безъ пересылки *четыре руб. пятьдесятъ коп.*, а съ пересылкою *пять руб.* Подписка принимается: въ Рязани, въ Редакціи Епархіальныхъ Вѣдомостей, при Рязанской духовной консисторіи.

Редакція Рязанскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей покорнѣйше проситъ Редакціи всѣхъ газетъ и журналовъ, съ коими она доселѣ мѣнялась изданіями, *продолжить* обмѣнъ и *перепечатать* на своихъ страницахъ это краткое объявленіе объ изданіи Рязанской епархіальной газеты.

Редакторъ, протоіерей Харалампій Романскій.



СОДЕРЖАНІЕ: Слово... Общедоступныя чтенія о предметахъ научныхъ. Объявленіе.

«Вятскія Епархіальныя Вѣдомости» выходятъ два раза въ мѣсяцъ— 1 и 16 числа. Цѣна годовому изданію, въ Редакціи 4 р., а съ доставкой на домъ въ г. Вяткѣ 5 руб. и съ пересылкою 5 р. (60 к. за пересылку и 40 к. за упаковку, бандероль съ печатнымъ адресомъ и проч.). Подписка принимается въ Редакціи сихъ Вѣдомостей, въ зданіяхъ Вятской Духовной Семинаріи.

Редакторъ, Ректоръ семинаріи, *Архимандритъ Іосифъ*.

Дозволено цензурою. 20 августа 1870 года.

Скоропечатня Анисимовыхъ и Блиновой въ Вяткѣ.